

Елена Фрадкина. Воспоминание о Золотцеве

Стасик Золотцев... Звонкое имя из юности... И первое воспоминание: молодой человек читает свои переводы из английской поэзии. Что-то из Джона Мейсфилда. У молодого человека золотистая борода, свитер грубой вязки – словом, хемингуэевский облик (тогда у многих висела на стене эта знаменитая фотография Папы Хема). Дело было на заседании СНО (студенческое научное общество), и я тоже читала свои переводы стихов Г.К.Честертон и Дороти Паркер. Вот так мы со Стасиком впервые увидели и слышали друг друга. Таким образом, в нашу компанию он попал через меня - и сразу стал своим. Мы довольно часто собирались: наша шестая английская группа вместе с «примкнувшими» друзьями. Мы все учились на английском отделении филфака ЛГУ, и Стасик был на курс младше нас.

Конечно, мы с ним постоянно встречались и вдвоем и все время говорили о поэзии и переводах. Надо сказать, что он уже тогда был мэтром и журил меня за то, что я недостаточно начитана в поэзии. Говорил, что переводчику необходимо прочесть всю мировую поэзию. Я могла часами слушать его рассуждения о литературе. Как-то летом мои родители снимали дачу в Сестрорецке, и Стасик приезжал туда. Помню, как мы гуляли по сумрачному лесу, среди папортников. А потом лежали на пляже, и Стасик говорил о литературных традициях и о влиянии Тютчева на Блока. Я тогда показала ему свой перевод длинного стихотворения американской поэтессы XIX века Мэри Эшли Таунсенд «Вера», которое начиналось так:

Верю: если я умру, и ты, склонившись к смертному одру,
Коснешься поцелуем хладных век,
Твое дыханье свет очам вернет...

Ну, и так далее. Он похвалил последнюю строчку финальной строфы:

...и ангелы узнают в ней [любви] алмаз
С короны рая в тот последний час,
Когда с нас жизнь слетает шелухой.

- Это хорошо – насчет шелухи, - сказал он. – Женщина говорила-говорила о любви – и под конец устала и выдохнула.

А сам он тогда переводил сонеты Шекспира, причем перевел их все. Когда я гостила в Москве у Утесова (он был маминым дядей), то показала ему сонет № 90. Прочитала сначала перевод Маршака, а потом Стасика, не объявляя авторов. Ему больше понравился перевод Стасика, а Леонид Осипович разбирался в поэзии, да и сам лет в шестьдесят начал писать стихи. Я тоже предпочитаю перевод Стасика. Он перевел *все* стихи, приведенные в его дипломной работе об английских «окопных» поэтах (поэтах Первой мировой войны) - меня же хватило лишь на перевод некоторых стихотворений Честертон для моей дипломной работе о его поэзии. Вообще Стасик очень рано осознал свой долг перед собственным даром и относился к нему весьма ответственно. И постоянно работал, без конца работал – как и всю свою жизнь. В студенческие годы он писал стихи и много переводил. У меня сохранились подаренный Стасиком номер журнала «Аврора» с первой публикацией его

стихов и две подборки стихотворений из «Нового мира». В первой неправильно напечатали его фамилию: «Золотуев». Ужас! Молодого поэта впервые публикуют в знаменитом журнале – и такое невезение! Там было мое самое любимое стихотворение Стасика – «Крик петуха, тревожный и пружинный...»

- Стасик, они знают об этом? – спросила я.

- Еще бы! Знают все – от гардеробщика до главного редактора!

Когда его снова напечатали в «Новом мире», фамилия была набрана правильно.

Он был удивительно внимательным. Первая публикация у меня была в «Неделе»: перевод рассказа Честертона «Человек о двух бородах». Стасик тогда уже жил в Москве, и я побывала у него в гостях. Конечно, я прихватила с собой «Неделю» и собралась было подарить, но тут он протянул мне свой экземпляр, который купил в киоске, и попросил дать автограф. А много лет спустя, когда я ему презентовала «Занавес» Агаты Кристи, написал в письме: «Ёлка, я от твоего перевода Агашки в восторге!» Вот такая слишком высокая оценка и душевная щедрость.

Последний раз мы виделись в 2000 году, когда Стасик приехал в Петербург. Мы провели втроем целые сутки, божественные сутки. Стасик и мой муж Толя сразу же полюбили друг друга, и беседа длилась всю ночь. Я достала все сборники стихов Стасика, и он их подписал. Вот, скажем, замечательная и трогательная надпись на сборнике «Зимняя радуга», выпущенном в 1975 году:

«Через четверть века после выхода сего шедевра все-таки ставлю на нем свой автограф!

Better late than never!

My dear Fir-tree, you're the same as you were – charming & good-hearted girl!

Yours St.Zolottsev

С.Золотцев

23.04.2000»

Говорили о литературе, о писательских делах в Пскове, о журнале «Нева», в котором мой муж, Анатолий Петров, работал много лет. Он создал популярную «Седьмую тетрадь» и был ее редактором. Стасик рассказывал безумно смешные истории из псковской жизни. Как мы хохотали, когда он изображал какую-то бабку из телепередачи (кажется, знатную доярку), которая говорила о своей дочери: «Какие нынче девки пошли бесстыжие! Вот у меня дочка, сорок два года – чыстый ручаек!». Стасик потрясающе рассказывал! Было решено, что он пришлет свои эссе. Толя потом напечатал их в «Седьмой тетради». А вот с чудесным эссе о Дилане Томасе и переводами его стихов, увы, не повезло. Главный редактор «Невы», Борис Никольский, напечатал только эссе, а стихотворные переводы обещал опубликовать позже, в разделе поэзии, но так этого и не сделал. Да и вообще не следовало печатать эссе и стихи порознь.

Конечно, было много воспоминаний. Стасик рассказал об эпизоде, который я забыла:

- Мы с Ёлочкой как-то раз гуляли по набережной Невы. По реке плыл лед, и я говорю: «И куда плывут эти льдины?» А Ёлочка в ответ: «И главное, зачем?» И я подумал: «Гениальная девушка!»

Он всегда меня называл Ёлочкой, Ёлкой. Больше меня никто так не называл.

На следующий день мы провожали Стасика на автобус, и я сфотографировала их с Толей у рубки подводной лодки: у нас там музей имени Маринеско. На снимке они стоят рядом – Стасик с бородкой и Толя с длинными волосами. Потом Стасик написал нам: «Дорогие Ёлочка и Толя! Пишу на ярмарке в спешке. Я вас люблю. До встречи!»

Но мы так больше и не встретились.

В последний раз я говорила со Стасиком по телефону, когда умер Толя. Меня тогда ничто не могло утешить, но Стасик сумел сказать что-то такое, от чего мне стало чуть легче.

А потом был тот ужасный день, когда я купила «Литературку» и увидела некролог Станислава Золотцева. Моего любимого друга юности Стасика.

Остались книги на полках – сборники стихов, проза, критика. Осталась память. И печаль.

Елена Фрадкина

ОБ АВТОРЕ

Елена Зиновьевна Фрадкина родилась в Ленинграде. Закончила Ленинградский государственный университет, где и познакомилась со Станиславом Александровичем Золотцевым, замечательным поэтом и переводчиком. Оба учились на английском отделении филологического факультета.

Е.З. Фрадкина – профессиональный переводчик. В ее переводах были опубликованы стихотворения, рассказы и романы английских и американских писателей – Г.К.Честертон, Рафаэля Сабатини, Дафны Дюморье, Дж.М.Кутзее (Нобелевского лауреата), Уилки Коллинза, Джона Бьюкена, Ф-Дж.О'Брайена, М.Р.Джеймса, Рекса Стаута, Агаты Кристи, Аманды Филипаччи, Софи Кинселлы и других. В журнале «Нева» печатались ее переводы и статьи.

Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.